DOI: 10.31857/S032103910016268-7

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПЕРЕВОД «ШУ ЦЗИНА» АРХИМАНДРИТА ДАНИИЛА (1798–1871)

Л. В. Стеженская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: lstezhenskaya@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4011-6783

«Шу цзин» (букв. русский перевод «Канон записей») включает различного рода речи древних правителей и их советников, как предполагается, записанные в конце II – конце I тыс. до н.э., и представляет собой важнейший письменный памятник древнекитайской истории и политической мысли. Знакомство европейцев с «Шу цзином» началось с утраченного ныне латинского перевода XVII в., а наибольшее число переводов было сделано в XVIII–XIX вв. Первым русским переводчиком всего текста «Шу цзина» был архимандрит Даниил (Дмитрий Петрович Сивиллов, 1798–1871). В статье определяется место перевода Д.П. Сивиллова в европейской переводческой традиции «Шу цзина», уточняется датировка перевода, представляются особенности работы переводчика с текстом древнекитайского оригинала. С публикацией рукописи перевода о. Даниила и с учетом сделанного ранее и уже опубликованного незаконченного архивного перевода о. Иакинфа (Н.Я. Бичурин, 1777–1853) можно будет говорить о русской православной версии перевода «Шу цзина» в сопоставлении с французской иезуитской и английской протестантской версиями. К статье прилагается ранее не публиковавшийся перевод о. Даниила главы 55–26 из «Шу цзина».

Ключевые слова: Д.П. Сивиллов, архимандрит Даниил, Китай, «Шу цзин», «Шан шу»

Данные об авторе. Лидия Владимировна Стеженская – кандидат филологических наук, доцент ИКВИА НИУ ВШЭ.

Часть исследования проведена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-012-00026).

UNKNOWN PAGES OF ANCIENT CHINESE HISTORIOGRAPHY:
SHU JING TRANSLATION
 BY ARCHIMANDRITE DANIIL (1798–1871)

Lidiya V. Stezhenskaya

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: lstezhenskaya@hse.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-012-00026

Shu jing or *The Book of Historical Documents* which includes various orations of the ancient Chinese rulers and their advisers, presumably recorded at the end of the second – end of the first millennium BC, is the most important written monument of ancient Chinese history and political thought. The first Latin translation of the book (not extant now) appeared in the seventeenth century, and the majority of translations were produced in the eighteenth and nineteenth centuries. Archimandrite Daniil (Dmitriy Petrovich Sivillov, 1798–1871) was the first Russian translator of the complete text of *Shu jing*. The article discusses the place of Sivillov's translation in the European *Shu jing* translating tradition, clarifies its date, and presents some features of the translator's method. A publication of Fr. Daniil's translation manuscript along with the already published unfinished manuscript translation by Fr. Hyacinth (N.Ya. Bichurin, 1777–1853) would establish the place of the Russian Orthodox version of the *Shu jing* translation alongside the French Jesuit and English Protestant translations. A previously unpublished Fr. Daniil's Russian translation of Chapter 55–26 of *Shu jing* is included into the article.

Keywords: D.P. Sivillov (1798–1871), Archimandrite Daniil, China, *The Book of Documents*, *Shu jing*, *Shang shu*

Среди письменных исторических источников древнего Китая «Шу цзин» занимает исключительное место. Достаточно сказать, что некоторые главы этой книги датируются XI в. до н.э., а если говорить в целом, то считающиеся подлинными тексты из ее состава были записаны не позднее первой половины II в. до н.э.¹ Сохранность данной книги и возможность ее чтения в наши дни определяются ее канонизацией во II в. до н.э. в рамках учения конфуцианства, которое оставалось официальной доктриной китайского государства до начала XX в. Содержание «Шу цзина» покрывает значительный период древней истории Китая от мифических времен в традиционной китайской датировке ранее 2300 г. до н.э. до вполне исторически подтвержденной реальности 627 г. до н.э. Слово «цзин» в названии книги обозначает ее каноничность. Тексты или главы этой книги представляют собой «записи» (*шу*) речей различных исторических персонажей. Преимущественно в своих заглавиях они обозначаются как «повеления» (*мин*), «обращения» (*гао*), «клятвы» (*ши*), «установления» (*дянь*) правителей либо как «советы» (*мо*) или «наставления» (*сюнь*) государственных мужей правителю. Даже если в названии главы нет таких слов, ее содержание все

¹ Mayorov 2014, 766–769; Nylan 2001, 135.

равно можно отнести к одному из перечисленных жанров. Лишь в нескольких главах заметно преобладание повествовательности (нарративности в узком, первоначальном смысле) — описаний местностей или событий.

Важность «Шу цзина» как самого раннего документального свидетельства о древней истории Китая и в то же время своего рода прецедентного основания конфуцианской политической доктрины довольно рано обеспечили этой книге пристальное внимание сначала традиционной китайской, потом и иностранной миссионерской и, наконец, уже и современной научной историографии в Китае и за рубежом. Вместе с тем другая сторона этой древности: во многом архаический язык и неоднократное переписывание текстов этой книги, в том числе и в исторически сменявших друг друга системах иероглифического письма, — весьма затрудняла адекватное понимание ее содержания не только для иностранцев, но и для самих китайцев.

Текст этого памятника изобилует так называемыми темными местами. Это касается и наиболее сложных для понимания глав «новых писем» (*цзиньь вэнь*), которые считаются подлинными и восходят к записанным с голоса по памяти текстам II в. до н.э. Но имеются они и в главах более понятных так называемых древних писем (*гу вэнь*), тексты которых были обнаружены в начале IV в. н.э. и которые в наше время преимущественно считаются подделкой. Некоторая часть «темных мест» объясняется просто — ошибки появились в результате многократного переписывания текста. Но эта часть небольшая, так как благодаря ранней канонизации текст оставался достаточно стабильным. При переписывании не только делались новые ошибки, но и исправлялись предыдущие. По-настоящему «темные места» имеют все же другое происхождение. Современная китайская письменность — результат длительной исторической эволюции. «Темные места» «Шу цзина» в значительной степени определяются особенностями иероглифической письменности раннего периода, когда первоначально были записаны тексты этого памятника, т.е. до и сразу после конфуцианской канонизации «Шу цзина». К ним можно отнести так называемое фонетическое письмо, которое дало фонетические замены, когда один и тот же иероглиф использовался для записи омонимов или близких по звучанию слов с различными значениями. Это также слабая первоначальная стандартизация написания иероглифа, наличие его так называемых разнописей. Первоначальное отсутствие, а затем нестабильность смысловых элементов (детерминативов) в составе фонетических иероглифов, которые составляют подавляющее большинство современных китайских иероглифов. Смена писчего материала и писчих принадлежностей и, как следствие, смена писарских почерков, при которой значительно изменился внешний вид, а нередко и состав иероглифа. Все это позднее могло привести к ошибкам в узнавании иероглифа и его последующей записи. Понятно, что конкретное прочтение некоторых мест «Шу цзина» — это результат позднейшей комментаторской трактовки. Комментарии же могли разниться в трактовке текста канона. Обычно один из комментариев, выполненный под эгидой государства, как и текст самого канона, тоже канонизировался, его трактовки применялись в системе государственных экзаменов, которые использовались для формирования чиновничьего корпуса китайских империй.

За пределами Китая переводы «Шу цзина» на иностранные языки в силу их трудности всегда немного запаздывали по сравнению с переводами другой конфуцианской классики и были сравнительно малочисленны. В то же время в мировой синологии «Шу цзин» постоянно удерживал внимание к себе, что определяло периодическое появление новых переводов. В последнее время это внимание только возрастает в связи с появлением новых археологических находок в Китае.

Самый первый перевод или пересказ «Шу цзина» на иностранный язык, в этом случае – латинский, был сделан в Китае еще в 1626 г. иезуитским миссионером родом из нынешней Бельгии Никола Триго (1577–1628). Этот перевод давно пропал и никак не отметился в историографии². В 30-х годах XVIII в. на французский язык «Шу цзин» перевел Антуан Гобиль (1689–1759), но книга была издана во Франции только в 1770 г.³ По поручению Гобиля около 1755 г. закончил свой латинский перевод другой иезуитский миссионер-француз – Мишель Бенуа (1715–1774). Этот перевод не издавался. Перевод предназначался для России и был сразу выслан Гобилем из Пекина президенту Петербургской академии наук графу К. Г. Разумовскому (1728–1803)⁴. К началу XIX в. этот список рукописи перевода каким-то образом оказался в Европе и позднее, уже в 20-х годах XX в., осел в Библиотеке Конгресса США⁵. Архимандрит Даниил в 1831 г. привез с собой из Китая другой сохранившийся список⁶. Ныне он хранится в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета. С переводами Гобиля и Бенуа Д. Сивиллов мог познакомиться в Китае или после возвращения в Россию. Русский архивный черновой рукописный перевод 1822 г., в то время еще архимандрита, а позднее разжалованного в простые монахи и сосланного Иакинфа (Никита Яковлевич Бичурин, 1777–1853), по понятным причинам долгое время оставался никому неизвестным. Он был подготовлен к печати и издан только в 2014 г.⁷ Бичурин свой перевод не закончил, из 58 глав оригинала без перевода остались большая часть главы 46 и все последующие 12 глав. Таковы были предшественники архимандрита Даниила.

Не позднее начала 40-х годов XIX в. к переводу «Шу цзина» приступил архимандрит Даниил. С 1837 по 1844 г. он возглавлял кафедру китайской словесности в Казанском университете и использовал перевод в своих учебных курсах. Примерно в одно время с ним над английским переводом работал в Китае миссионер-конгрегационалист Уолтер Генри Медхёрст (1796–1857). Перевод был издан в Шанхае в 1846 г.⁸ До сих пор востребованные и поэтому своего рода классические переводы на английский язык шотландского конгрегационалиста из Лондонского миссионерского общества Джеймса Легга (1815–1897)

² Ma Zhou 2018, 2–3.

³ Gaubil 1770.

⁴ Majorow 2019, 8.

⁵ Benoist 1755.

⁶ *Antiquissimi sinarum annales sive liber classicus Chang-chou vel vulgatius Chou-king*. Отдел рукописей и редких книг библиотеки Казанского федерального университета, № 4563.

⁷ Bichurin 2014.

⁸ Medhurst 1846.

и на французский язык (с приложением параллельного латинского перевода) миссионера-иезуита Серафина Куврёра (1835–1919) были изданы соответственно в 1865 и 1897 гг.⁹ В начале XX в. У. Олд (1864–1929) опубликовал свою теософскую переделку¹⁰ английского перевода Медхёрста, которая в силу своего низкого уровня не вошла и не могла войти в научный оборот. В середине прошлого века английский перевод традиционно считающихся аутентичными глав так называемых современных писем опубликовал шведский синолог Бернхард Карлгрэн (1889–1978)¹¹. В этой работе переводчик использовал результаты собственных исследований по истории древнекитайского языка. Перевод пользуется заслуженным авторитетом среди историков и часто цитируется в указанной части текстов «Шу цзина». В нашем веке пока единственным новым полным переводом остается русский научный перевод В.М. Майорова, увидевший свет в 2014 г.¹²

Учет архивных работ даже такой значительной фигуры бичуринского периода русского китаеведения, как начальник 9-й духовной миссии в Пекине, о. Иакинфа показывает, насколько богаче и разнообразнее была его научная деятельность, чем представляется при взгляде на его печатные труды; и это при том, что о. Иакинфу удалось издать невиданное количество работ для русского китаеведения того времени¹³. Другой видный синолог – архимандрит Петр (Павел Иванович Каменский, 1765–1845), участник 8-й и начальник 10-й миссий, который раньше Н.Я. Бичурина, еще в 1819 г., был избран членом-корреспондентом Академии наук, стал участником различных российских и заграничных ученых обществ и смог выпустить в свет совсем мало работ, хотя и воспитал пусть немногих, но оставивших заметный след в китаеведении учеников, ставших наставниками следующего поколения китаеведов – ученых и практиков. В архивах мы обнаруживаем многочисленные труды П.И. Каменского, нередко опережавшие по тематике и глубине исследования его западных коллег, но до недавнего времени не привлекавшие внимания историков¹⁴.

Судьбу своих современников – российских китаеведов разделил и архимандрит Даниил (Дмитрий Петрович Сивиллов, 1798–1871). Он первым в российском китаеведении полностью перевел книгу «Шу цзин». Хранящаяся в Архиве внешней политики Российской империи чистовая писарская рукопись датируется 1855 г.¹⁵, но очевидно, что перевод был выполнен еще в начале 1840-х годов. Таким образом, архимандрит Даниил стал первым русским и одним из ранних европейских переводчиков всего текста этого древнекитайского памятника. Появление его перевода совпало с важным этапом в истории науки о Китае: сначала во Франции в 1814 г., а потом в России в 1837 г. были учреждены первые в Европе

⁹ Legge 1865 (переизд. Legge 1991); Couvreur 1897 (переизд. Couvreur 1950).

¹⁰ Old 1904.

¹¹ Karlgren 1950.

¹² Mayorov 2014.

¹³ Mayorov, Stezhenskaya 2015, 6–7.

¹⁴ Chegodaev 2011; Datsyshen 2013.

¹⁵ *Шу-цзин, или Летопись. Одна из канонических книг*. Перевод с китайского [архимандрита Даниила]. 1855 г. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 89.

университетские кафедры китайского языка. Роль Д. П. Сивиллова, первого заведующего подобной кафедрой в Казанском университете, в организации преподавания китайского языка в целом достаточно известна. Он же был первым, кто начал читать университетский курс истории Китая, который полностью охватывал древнейший период китайской истории. Подготовленные в качестве материала для чтения этого курса переводы «Шу цзина» и других исторических источников дают основание считать его если не основателем, то зачинателем преподавания этой академической дисциплины в России.

Рукописные версии «Шу цзина», в которых наиболее легко копились ошибки и описки переписчиков, начиная с первой половины X в. постепенно заменились в Китае печатными ксилографическими изданиями, которые хотя и не могли полностью избежать ошибок, несравненно точнее, чем рукописи, воспроизводили исходный текст.

Все западные переводы «Шу цзина», включая перевод Сивиллова, выполнялись по одному и тому же изданию оригинала, впервые отпечатанному в 1680 г. и получившему название «Канон записей» с объяснениями и комментариями для ежедневных занятий» («Жи цзян шу цзин цзе и», *Ri jiang Shujing jieyi*, 日講書經解義. 庫勒納解義). Гобиль, Бенуа и Бичурин в разных пропорциях, но опирались в работе не только на китайский оригинал, но и на его маньчжурский извод: оба языка признавались в Цинской империи (1644–1911). Сивиллов, насколько можно судить по его переводу, пользовался только китайской версией, вполне официальной, но не предназначавшейся для экзаменационной системы. Сопровождавшие его комментарии представляли собой переработку материалов, которые наставники будущего императора Канси (1654–1722, император в 1661–1722 гг.) использовали, преподавая ему конфуцианский канон. Соответственно, комментарий этот был лишен всякой полемичности, он как бы отражал обычную точку зрения китайцев на свою древнюю историю.

Структура перевода архимандрита Даниила наводит на мысль о его учебном предназначении. Число примечаний и пояснений сведено к необходимому минимуму, зато Сивиллов впервые разбил тексты глав на значимые периоды и предпослал им краткие вступительные заметки. По содержанию они в принципе согласуются с китайским комментарием, который следует за соответствующим фрагментом канонического текста, но являются как бы смысловой выжимкой данного комментария, иногда с добавлением от самого переводчика.

Так же поступил и Дж. Легг, автор самого известного, английского 1865 г. перевода «Шу цзина», но вводные замечания к разделам были полностью заимствованы переводчиком из учебного китайского издания Цзоу Шэнмо (1692–1762)¹⁶.

Несмотря на непростой древний язык оригинала, Сивиллову удалось вполне адекватно передать его содержание, т.е. засвидетельствовать достаточно высокий уровень владения китайским языком. Сложность перехода в то время от маньчжурского языка к китайскому как основному языку отечественного китаеведения была отмечена Петром Каменским¹⁷. Это было обусловлено сменой языковой

¹⁶ Mayorov 2014, 1031.

¹⁷ Mozharovskiy 1896, 595.

среды в Пекине – постепенной утратой маньчжурами своего родного языка и их переходом на китайский язык. Трудность, которую вполне понимал Сивиллов, усугублялась еще и различием «правил и оборотов ... вообще всего состава речи» «ученого или книжного языка» и «простого, общенародного наречия». С учетом этого различия была построена его система преподавания китайского языка в Казанском университете¹⁸.

Выбрав «“Канон записей” с объяснениями и комментариями для ежедневных занятий» как базовый текст для перевода, Сивиллов тем самым выбрал и определенную трактовку «Шу цзина». Заметим, что эти объяснения были также написаны не на современном разговорном (байхуа), а на письменном классическом языке (вэньянь), хотя и стандартном, и не таком древнем, как сам текст канона. Д. П. Сивиллов в целом следовал объяснениям китайских комментаторов. Однако если китайский комментарий с его точки зрения не был логически оправдан, Сивиллов мог дать и свой оригинальный вариант перевода.

Отклонения от догматического комментария, по-видимому, были продиктованы общим подходом Сивиллова к нормам китайского языка. Он считал, что в китайском языке «грамматика заключается не в одних правилах, собственно к ней одной относящихся, но в ней заключены многие и такие правила, которые у нас должны быть отнесены к составным частям риторики или к первым началам логики». Не случайно он настаивал, чтобы при обучении китайскому языку «особенно в ученом его отношении», т. е. при обучении письменному языку, учащимся непременно давались «некоторые сведения в правилах риторики и логики». Кроме того, Сивиллов учитывал историческую изменчивость в написании иероглифов и самом значении письменных знаков¹⁹.

Посмотрим, как теоретические воззрения Сивиллова претворились на практике. Показателен пример перевода одного из «темных мест» в главе 28–0 «Великая клятва. Часть 2». Здесь буквально говорится о том, что народ испуган так, будто «валятся (бэн) его (цзюэ) рога (цзяо)» (*Ri jiang*, цз. 6, 15а). Так же эти слова толкуются в китайском комментарии группы редакторов под руководством главного редактора – маньчжура Кулэны (*маньчж.* Курене), но в более стандартной вэньяневской записи – бэнцуй (рушатся) ци (его) тоуцзяо (рога на голове). Лапидарный текст главы не дает возможности понять, о каких рогах у народа идет речь. Предшественники Д. П. Сивиллова, очевидно, посмотрели и маньчжурский перевод. Здесь говорится: «Учжу шэнгинь мэйчжэхэ гэсэ омби», т. е. «будто разбили лоб» (*Yuzhi fanyi Shujing*, 185/297). Поэтому в своем французском переводе Гобиль говорит о «голове» (*tête*)²⁰ и не грешит против китайского текста – французское *tête* имеет также значение «рога». Н. Я. Бичурин говорит об испуганном народе, который «в непрерывном ужасе, как будто ударился *челом* обо что»²¹. Латинский перевод Бенуа (1755 г.) в лексическом отношении ближе к китайскому,

¹⁸ Архимандрит Даниил. *Конспект для преподавания китайского языка*. П. 8. В: Khokhlov 2014, 507.

¹⁹ Архимандрит Даниил. *Конспект...* (Khokhlov 2014, 504–505, 507).

²⁰ Gaubil 1770, 154.

²¹ Bichurin 2014, 104, 359 (л. 32, низ).

а не к маньчжурскому тексту, он говорит об ударе именно *рогами* (cornibus) и предлагает собственное объяснение. Это якобы метафора, подразумевающая нападение ослепленного (яростью?) рогатого животного, которое в результате само себе наносит рану²². Преемники Сивиллова по переводам «Шу цзина» в XIX в. также говорили о «рогах» трепещущего народа²³.

Д.П. Сивиллов смог отвлечься от прямых значений иероглифов в этой фразе и дал, кажется, неожиданный перевод «[подданные] ...бегут стремглав повсюду»²⁴. Однако при ближайшем рассмотрении этот перевод оказывается вполне обоснованным лексически, а потому и приемлем логически. В глаголе *бэн* ('валиться, падать') он увидел фонетическую замену для *пэн* ('рассеиваться, рассыпаться'), а для *цзяо* ('рог') он взял не самое частое, словарное, значение, а его переносное значение в китайском языке — 'угол'. В этом случае на выбор Сивиллова могло повлиять и то, что сходное значение места у слова «рог» («выступающий угол») имеется и в русском языке²⁵.

Учебные цели перевода о. Даниила проще всего связать с его академическим нововведением — чтением курса древней истории Китая в Казанском университете. Оставив в 1844 г. заведование кафедрой китайского языка в этом университете, Сивиллов по его собственной просьбе продолжил церковное служение в Иркутской епархии в качестве миссионера среди местных бурят и староверов. Его церковная карьера складывалась довольно успешно, но в 1855 г. произошел перелом. За какие-то проступки, как предполагает его биограф архимандрит Григорий (Иван Иванович Воинов, урожд. Борзецовский, 1832–1896), а может, по болезни, о которой Воинов тоже упоминает, архимандрит Даниил был отстранен от должности благочинного над церквями в Верхнеудинском округе²⁶. Последнее обстоятельство проливает свет на датировку перевода. Предисловие Сивиллова помечено 23 сентября (5 октября) 1855 г. Это датировка чистовой рукописи, которую вместе с другими переводами Сивиллов отослал в Петербург в Азиатский департамент Министерства иностранных дел²⁷. В это же время он жертвует свои книги в библиотеку Иркутской семинарии. Воинов предполагает, что дар преследовал цель «загладить свою вину»²⁸. Но если на эти действия посмотреть с другой стороны, можно предположить, что о. Даниил не видел для себя возможности

²² Benoist 1755, 162.

²³ Данные о переводах «Шу цзина» см. в сводной таблице в Mayorov 2014, 1055–1063. В 1904 г. У. Олд без всяких объяснений перевел это выражение как «branches were lopped» (ветви обрублены). См. Old 1904, 145. Не дал объяснения и В.М. Майоров, когда оставил без комментария свой перевод: «[Все] сто родов трепещут в страхе, как [их кто] подкосил, поклоны отбивают до земли» (Mayorov 2014, 258).

²⁴ *Шу-цзин, или Летопись*. Архив внешней политики Российской империи Ф. 152. Оп. 505. Д. 89. Л. 97 (171).

²⁵ Даль, В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. СПб.— М., 1863–1866 (URL: <https://dal.slovaronline.com/36915-ROG>; дата обращения: 31.07.2021).

²⁶ Voinov 1893, 11–13.

²⁷ Skachkov 1977, 195.

²⁸ Voinov 1893, 13.

продолжать работу над переводами. Точно так же поступил, например, Бичурин, когда почувствовал приближение кончины²⁹.

Говоря об отсылаемых в Азиатский департамент материалах, Д.П. Сивиллов сообщает: «Из них некоторые мною уже и переведены, в числе коих и сия так называемая Древняя летопись»³⁰. О переводах «Шу цзина» и другой китайской классики говорится в письме о. Даниила попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину (6 апреля 1844 г.)³¹.

Через год встал вопрос об издании переводов. Рецензию на них написал премьерник Д.П. Сивиллова по кафедре, теперь уже маньчжурского языка, О.П. Войцеховский (1793–1850). Она датируется 14 апреля 1845 г. Под вторым номером в ней указывается «Шу цзин» («летопись»)³². Как отмечал исследователь переводческой деятельности Сивиллова А.Н. Хохлов (1929–2015), несмотря на положительную рецензию, переводы не были рекомендованы к печати, по-видимому, из-за «отсутствия денежных средств у Казанского университета»³³.

Сохранился, хотя и не полностью, более ранний список перевода Сивиллова. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде К.А. Скачкова в тетради перевода конфуцианского «Четверокнижия» («Сы шу») о. Даниила вpletены листы 72 и 73 с переводом содержания «Шу цзина», а далее еще 18 листов (л. 352–369) уже непосредственно с переводами текста этой книги. Данный картон имеет архивную датировку 1840–1842 гг.³⁴ Известно также, что тексты «Шу цзина» использовались Сивилловым в качестве учебных материалов на занятиях по китайскому языку³⁵. Уезжая в 1844 г. из Казани в Забайкалье, Сивиллов подает просьбу университетскому начальству взять с собой на время несколько нужных ему книг, над переводом которых он планирует продолжить работу, с тем чтобы потом прислать их обратно в университет. Оригинала «Шу цзина» среди запрашиваемых книг в заявлении нет³⁶. Значит, продолжение работы над его переводом скорее всего не планировалось.

Упомянувшийся выше один из последних переводчиков «Шу цзина» Б. Карлгрен, говоря о месте своей работы в европейской традиции переводов этого памятника, замечал: «То, что мой перевод настолько сильно отличается от переводов Легга и Куврера, всего лишь подчеркивает тот факт, что “Шан шу” («Чтимая книга», другое китайское название «Шу цзина». — Л. С.) с ее лапидарным стилем и архаическим языком допускает целый ряд во многом различных толкований. Таким образом, каждый новый перевод неизбежно будет не более чем новой попыткой толкования»³⁷. Издание и таким образом включение в исторический ряд

²⁹ Bichurin 2014, 491, 547.

³⁰ Stezhenskaya 2017, 229; *Шу-цзин, или Летопись*. Архив внешней политики Российской империи Ф. 152. Оп. 505. Д. 89. Л. 7 об. (12).

³¹ Khokhlov 2014, 502.

³² Khokhlov 2014, 499.

³³ Khokhlov 2014, 500, 511, прим. 24.

³⁴ ОР РГБ. Ф. 273. Скачков, Константин Андрианович (1821–1883). Картон 20. Л. 54.

³⁵ Skachkov 1977, 194.

³⁶ Khokhlov 2014, 502.

³⁷ Karlgren 1950, 1.

европейских переводов XIX в. подготовленного нами труда архимандрита Даниила, как мы надеемся, сможет представить еще одно толкование и еще один взгляд на «Шу цзин». В дополнение к известным переводам французских миссионеров-иезуитов и английских миссионеров-протестантов сама эта традиция обогатится новой областью сравнительных исследований – переводами русских православных священников.

Ниже приводится перевод архимандрита Даниила главы XXIX из раздела «Чжоуские писания» («Чжоу шу»), включающего записи, формально относящиеся ко времени правления династии Чжоу (1045–221 гг. до н.э.). В общепринятой сквозной нумерации это глава 55–26. Она считается подлинной в обеих версиях текста «Шу цзина»: в версии «древних писем», которая признает все главы подлинными, она имеет номер 55, а в версии «новых писем» – номер 26. Текст публикуется впервые. Он дается в современной орфографии. Исправлены очевидные описки, пунктуация приведена в соответствие с современными правилами. Эти изменения специально не оговариваются. Заголовки параграфов и примечания о Даниила, как они расположены в рукописи, даны курсивом. Наши собственные краткие примечания даются в сносках внизу страницы. Нумерация рукописи приводится в угловых скобках, внутри которых первое число указывает на архивный номер листа, а второе число в круглых скобках – на номер страницы собственной пагинации о. Даниила. Сокращения слов раскрываются нами в квадратных скобках.

< л. 265(509)>

Глава XXIX

Правила о наказаниях, обнародованные князем Люй³⁸ (Люй-син)

Примеч. Чжоуский В[еликий] князь Му-ван³⁹, определив князя Люй министром уголовных дел, дает ему повеление составить уложение о наказаниях за преступления и обнародовать оное по всей империи. Летописец, излагая мысли, из сего повеления почерпнутые, избрал самый предмет или то лицо, к которому относилось царское повеление, в наименование следующей главы.

Причина сочинения уложения о наказаниях

1. В то время, как объявлено было повеление князю Люй, В[еликий] князь Му-ван царствовал, будучи уже ста лет от роду. Несмотря на столь глубокую старость и притупление памяти, последовавшее от изне- <л. 265 об. (510)>можения сил телесных, он еще бодрствовал умом, определив сочинить правила о наказаниях, нужные для управления всеми частями империи.

Происхождение крамол и грабежей

2. В[еликий] князь говорит, сказал князь Люй, объявляя повеление Му-вана: «Мне известно из наставлений древних, что в царствование государя Хуан-ди⁴⁰, один из владетельных князей Чи-ю⁴¹ первый поднял мятеж, который простер свое влияние и на миролюбивый народ. От тех пор появились разбойники и грабители, которые, как стаи хищных птиц, насилие и непотребства, тайно и явно чинимые, стали считать делом правым, производя повсюду грабежи и хищения, обманы и убийства».

³⁸ Некий Люйский князь, Люй-хоу. Сведений о пожалованном ему владении нет.

³⁹ Чжоуский Му-ван (976–922 или 1001–947 гг. до н.э.), пятый ван (правитель) династии Чжоу.

⁴⁰ Хуан-ди, легендарный Желтый император (Хуан-ди, традиционно ок. 2700–2600 до н.э.), мифический первопредок китайцев.

⁴¹ Чи-ю, мифический персонаж, один из вассалов Желтого императора.

Князь Сань-мяо⁴² первый изобретатель жестоких казней

3. «Владетельный князь Мяо-минь (иначе <л. 266 (511)> Сань-мяо), не был в состоянии удержать народ добром от злодеяний, постановил казнить злодеев. Определив пять разрядов казней самых бесчеловечных, он назвал их правилами и предавал смерти невинных; по нему он первым почитается виновником, который превзошел меру в наказаниях, постановивши у иных обрезать нос и уши, других скопить или клеймить. Таким образом, кто бы ни повергался наказанию, для всякого полагали приговор на основании одних и тех же правил о наказаниях, не принимая в уважение никаких оправданий».

Развращение нравов Мяоского народа и жестокость казней, им претерпеваемых

4. В то время жители Мяоские начали друг от друга заражаться злом, приводить все в смятение и беспорядок; ни <л. 266 об. (512)> в ком нельзя было найти верности, всякий клялся в своей честности и в то же время нарушал свою клятву; безмерная строгость законов и бесчеловечие предавали всех на заклятие без пощады. Повсюду слышны были вопли, стираемые к Небу, о защите невинных. Всевышний царь проник взором своим на народ, но не нашел в нем никакой добродетели, которая бы услаждала его благоуханием, а обонял один смердящий смрад, исходящий от жертв, павших под секирою палачей» (#*Сие место походит на состояние нравов <л. 267 (513)> людей, живших при Ное до потопа*).

Государь Шунь⁴³ наказывает Мяо, как и их князя, за преступления и жестокости

5. «Царь Шунь, сострадая о множестве жертв невинных, павших от меча казнителей, отмстил бесчеловечному тирану строгостию верховной власти, истребив жителей княжества Мяо, так что от сего народа не оста-<л. 267 (513)>лось никого, кто бы мог продолжать род свой».

Шунь истребляет суеверие в народе

6. «Притом он велел Чжуну⁴⁴, потомку государя Шао-хао⁴⁵, и Люю⁴⁶, потомку Гао-яна⁴⁷, прервать сообщение между небом и землею, то есть прекратить толки чародеев, уверявших народ, что духи спускаются с неба и приходят на землю, и что счастье и несчастье состоит в их власти. В то время владетельные князья, равно как и их подчиненные чиновники, принявши добрый смысл, обратились все к содействию пользам общежития, даже одинокие старцы и вдовы, не имеющие крова, и те не лишены были нужной помощи».

<л. 267 об. (514)>

Шунь вводит порядок в княжестве Мяо и во всей империи

7. «Царь Шунь со всею простотою души выводывал тогда от подданных о преступных действиях князя Сань-мяо, на которого приносили жалобы даже безродные вдовцы и престарелые вдовы. Он одною важностию своего лица приводил в страх злодеев, одним умом вразумлял совратившихся с пути истины. Сверх сего он велел еще трем

⁴² Саньмяо, или Мяо – мифическое мятежное племя, досаждавшее древним китайцам своими набегами.

⁴³ Шунь, легендарный правитель Китая, один из мифических предков китайцев.

⁴⁴ Чжун, или Чун, древний мифический персонаж. Родственная связь именно этого Чжуна/Чуна с Шао-хао в традиционной китайской хронологии допускается, но не утверждается.

⁴⁵ Шао-хао, один из мифических древнейших правителей Китая, иногда считается сыном Желтого императора.

⁴⁶ Луй, точнее – Ли, мифический персонаж, который вместе с Чжуном/Чуном отделил небо от земли.

⁴⁷ Гао-ян, мифический правитель Китая, традиционно считается внуком Желтого императора.

своим министрам взять попечение о благоустройстве народа, поручив Бо-и⁴⁸ составить обряды и правила приличия, дабы чрез это прекратить казни в народе; Юйю⁴⁹ — привести в устройство состояние вод и суши и поставить для каждой области главной гранью одну какую-нибудь из именных гор или рек; министру Цзи⁵⁰ — сочи-<л. 268 (515)>-нить правила для посева хлеба, употребления земли и возвращения полезных полевых произведений. Таким образом сии три министра оказали услуги отечеству доставлением народу изобилия. Судье уголовных дел Гао-яо⁵¹ он также велел постановить для подданных всех фамилий точные меры наказаний и научать их обращать должное внимание на свои совершенства, какими каждого наделяла природа».

Шунь при постановлении правил для наказаний требует от своих судей беспристрастия в их определениях

8. «Таким образом дальновидность с царского престола, благоразумие из судилищ министров опытных пролили свет свой на все части империи, что, впрочем, произошло не без усильных трудов со стороны государя и его помощников. Несмотря на сие, он (Шунь) <л. 268 об. (516)> еще велел в большую привести ясность меры наказаний и, следуя распределению оных, управлять народом, способствуя ему тем к усовершенствованию внутренних естественных его расположений. Так как многие из судей приводят в исполнение законы сии не по лицепритию, но по расчетам корыстолюбия, посему он внушал, чтобы судьи особенно были внимательны и осмотрительны к самим себе, отнюдь не позволяя себе самопроизвольно выбирать мнения ради своей пользы, ибо, будучи уполномочены силою свыше, они сами становятся главными орудиями жизни и смерти — сей великой участи человечества; следственно, сею властью, какую они пользуются на земле, равняются верховной власти Неба».

<л. 269 (517)>

Увещание главных вождей народных к внимательному употреблению мер строгости

9. Великий князь говорит, продолжал Люй: «Увы! Князья уделов и судии, которым вверено главное управление во всех частях империи, не вы ли представляете в себе вождей народных, которым Небо даровало власть и силу творить суд и правду в народе? Теперь на кого вы должны обращать ваши взоры? Не на того ли Бо-и, который, издав некогда правила о наказаниях, руководствовался ими в удержании народа в порядке? Кого вы теперь должны укрощать? Не тех ли самых мяоских жителей, которые нимало не входили в исследование тяжёбных дел, не избирали на службу лучших людей, которые бы способны были наблюдать за точным исполнением нака-<л. 269 об. (518)>заний, заключающихся в пяти разрядах? Напротив того, многие из судей их то из лицепрития пристрастия к знатным, то по алчности к корысти, которая живет хищением достояния богатых, распоряжались пятью разрядами наказаний так, что только превращали порядок дел к угнетению невинных. Всевышний царь неба не дал им средств к очищению их преступлений, но наслал казнь на царство Мяо. Таким образом, народ Мяоский, не получив оправдания, могущего избавить его от наказания, был искоренен со всем своим потомством».

⁴⁸ Один из помощников Шуня, мифический персонаж.

⁴⁹ Юй, Великий Юй, один из помощников Шуня, мифологический усмиритель потопа и основатель легендарной первой китайской династии Ся, традиционно датируемой 2205–1766 гг. до н.э.

⁵⁰ Цзи, или Хоу Цзи, один из помощников Шуня. Мифический культурный герой, научивший людей земледелию.

⁵¹ Гао Яо, один из помощников Шуня, древний мифический персонаж, справедливый судья.

Му-ван обращается с увещанием к лицам родственным В[елико]княжескому дому, дабы они также были осторожны в употреблении казней, как и прочие

10. В[еликий] князь со вздохом сказал, (продолжал <л. 270 (519)> Люй): «Ах! Как твердо нужно содержать в мыслях все то, что досель мною было сказано! Особенно вы, связанные со мною родством, старшие и младшие дяди, старшие и младшие братья, юные дети и внуки, должны внимать моим словам прилежно, в которых я сообщаю вам мою волю и в которых, как я думаю, заключается глубокий смысл. Теперь вы должны поставлять единственное свое утешение в ежедневной тщательности. В таком случае вы, может быть, избежите того, чтоб в последствии времени не брать мер осторожности против нетщательности. Небу благоугодно приводить в порядок народ, впадающий в преступления, посредством строгости правосудия. Оно облекло меня властью совершать казнь над преступниками в один определённый день (#: *Это совершается во время зимнего поворота*). Но здесь потребна <л. 270 об. (520)> большая осмотрительность, ибо между ними есть некоторые, коих вины, по видимости довольно важные, но заслуживают прощение; как напротив того, вины других, хотя и не слишком значительные, но достойны наказания. Сила в том, что не всегда надобно смотреть на великость преступления, но и на намерение преступников. Посему вы должны со всякою внимательностью исполнять волю Неба и повиноваться мне одному. Пусть по моему мнению следовало бы наказать того или другого, но если по вашему рассуждению он того не заслуживал бы, вы не должны его наказывать. Или пускай я приговаривал бы того или другого к пощаждению; но если вы не находите его достойным того, то вы не должны шадить его жизни. Ваше дело обращать все внимание на <л. 271 (521)> пять разрядов наказаний, дабы во всей точности совершить три добродетели, необходимые для судьи: правоту, твердость и снисхождение. Если и один человек, положим, я, будет иметь благополучие, то бесчисленное множество народа может находить в нем безопасное для себя прибежище и вечно жить в мире.

Му-ван предлагает увещания к осторожности при наказаниях разным князьям и владельцам

11. Ах! Воскликнул в[еликий] князь, приблизьтесь ко мне князья уделов и владельцы земель. Вам я предлагаю — приводите в ясность дела, касающиеся до наказаний. Теперь возложена на вас обязанность успокаивать подданных всех фамилий. Кого вы должны избирать на службу, как не людей способных? <л. 271 об. (522)> И на что более всего вы должны обращать ваше внимание, как не на правила наказаний? О чем вы с такою тщательностью должны рассуждать, как не о преступлениях виновных, умножающихся у вас беспрестанно?

Правила, которые Му-ван предлагает в руководство судьям при решении дел преступников

12. Положим, что двое тяжущихся явились бы к вам в суд. Тогда они должны представить вам свое дело с подробным объяснением всех главнейших обстоятельств. Потом судьи должны выслушать пять видов улик, представленных на пять разрядов наказаний. По открытии самой сущности сих пяти улик, если они окажутся достоверными, то судьи должны приговорить виновника <л. 272 (523)> к наказанию и, смотря по его вине, назначить ему тот или другой род казни из числа пяти разрядов наказаний. А если по представленным уликам нельзя его подвести ни под один из пяти разрядов наказаний, тогда должно осудить его на обложение одною какою-нибудь из пяти разрядов пени. Если же дело его не подходит ни к одному из пяти разрядов пени, то должно решить оное на основании правил, постановленных на счет неумышленных неосторожностей (ошибок), в пяти видах заключающихся (*т.е. должно такого виновника освободить от суда*).

Недостатки, допускаемые при судопроизводстве

13. Недостатки, допускаемые при решении дел, касающихся до виновных в пяти видах неосторожностей, мо- <л. 272 об. (524)> гут произойти от следующих причин: 1^о) от

слабости судьи, который сам робеет при виде сильных и знатных лиц; 2^с) от злопамятства, подстрекающего к мщению за свои обиды; 3^с) от наушничества жен; 4^с) от склонности к взяткам; 5^с) от ходатайства других. Если кто из судей допустит в себе какой-нибудь из сих недостатков, того вина равняется с виною самого преступника. И так вы должны истощать все силы на то, чтобы при постановлении приговоров наблюдать самую строгую ясность.

Правила, которыми должно руководствоваться при решении дел в сомнительных случаях

14. Если встретится какое сомнение подвергнуть виновного наказанию, означенному в пяти разрядах казней, то можно даро- <л. 273 (525)> вать ему прощение. Равным образом можно освободить от суда и того, который из числа пяти разрядов пени приговаривается к осуждению на один какой-либо разряд оной, если только вина его будет содержать в себе какое сомнение. Впрочем, здесь также потребно рассматривать дело вины с большею ясностию. Если все улики будут достоверны, в таком случае неудобно подвергнуть преступника тому или другому роду наказания, принимая, впрочем, в рассмотрение и самый наружный вид лица преступника. А если не находится никаких улик, обвиняющих подсудимого, тогда надобно прекратить и самое судопроизводство об нем, даровать ему свободу от суда, страшась гнева небесного.

Правила для пени

15. Если встретится сомнение и должно <л. 273 об. (526)> дать свободу осужденному к наказанию клеймением лица, то должно освободить его от того взысканием с него 100 хуань пени медью (*каждая хуань равняется 6-ти унциям*), однако ж надобно смотреть и на доказательства, уличающие его в преступлении. А если кто приговорен будет к наказанию отсечением носа, но по встретившемуся сомнению в его деле он заслуживал бы право освобождения его от истязания, то должно штрафовать его вдвое больше против осужденного к пене взамен клеймений лица, но также надобно и здесь брать в рассмотрение доказательства, уличающие его в преступлении. Но если нужно будет освободить от наказания отрублением ног по причине найденного сомнения в деле подсудимого, то надобно оштрафовать его вдвое больше против <л. 274 (527)> оштрафованного за отсечение носа. Но и здесь надобно принимать в расчёт доказательства, представленные на уличение его преступлений. Если же случится сомнение при наказании кого-либо из преступников отсечением головы и должно даровать ему жизнь, то, по исследовании доказательств на его преступление, надобно наложить на него пеню в 1000 хуань. В случае же найденного недоумения, по которому надлежало бы подсудимого освободить от приговора его на оскпление, то должен таковой искупить себе свободу от искажения 600 хуань, однако же не без рассмотрения доказательств со стороны судей, какие представлены в уличение или оправдание его в преступлении. За клеймение лица теперь полагается 1000 статей, <л. 274 об. (528)> в которых исчисляются случаи, посредством которых подсудимый становится виновным к сему наказанию. За отсечение носа также полагается 1000 статей, в коих означены случаи, осуждающие преступника на сие наказание. К осуждению виновного на отрубление ног отнесено 500 статей, в коих изображены случаи, лишające его средств к избежанию от сего наказания. Осуждение же на скопление ограничено 300 статьями, в коих изъяснены случаи, делающие подсудимого виновным. А для осуждения на отсечение головы случаи прописаны в 200 статьях. Всего для пяти разрядов главнейших казней положено 3000 статей. Судя по многочисленности случаев, осуждающих подсудимых к тому или другому роду наказаний, конечно, сего числа статей недостаточно. В таком <л. 275 (529)> случае нужно принимать в соображение качество преступления и постановлять определения приблизительно к тем или другим статьям, ниже или выше прописанным. В прочих же случаях, буде кем-либо предлагаемы были бы какие-нибудь запутанные тяжёлые дела, совсем не нужно входить в разбирательство и не употреблять таких правил, которые не имеют

в себе законной силы или не введены в действие, но должно тщательное в делах употреблять испытание и руководствоваться данными правилами. В этом вы наипаче должны соблюдать строгую ясность.

При наказаниях и штрафах должно руководствоваться властью, не отступая однако ж от порядка

16. Если преступление будет относиться к высшему наказанию, а побудительная причина того будет принадлежать к <л. 275 об. (530)> наилегчайшему наказанию, то должно подвергать преступника низшему наказанию. А если преступление будет состоять в низшем разряде наказания, а побудительные причины того будут относиться к тягчайшему наказанию, в таком случае должно подвергать преступника высшему наказанию. В наказаниях, какого бы рода они ни были, в легчайших и тягчайших, должно принимать за руководство власть. Притом наказания и штрафы должно употреблять не одинаковые, но смотря по времени, иногда нужно облегчать их, а иногда отягчать, уравнивая их, поколику они не пришли в свое уравнивание при соблюдении надлежащего порядка и других самонужнейших условий дела.

Му-ван предписывает судьям наблюдать строгую осторожность при решении уголовных дел

17. Намерение наказания штрафом клонится <л. 276 (531)> к тому, чтоб удержать людей от злодеяний, не лишая их жизни. Несмотря на то, люди и сию меру правосудия переносят с чрезвычайным прискорбием. Посему судить о делах уголовных не тот должен, кто умеет говорить приятно и с утонченностью, но тот должен судить о делах уголовных, кто имеет кроткое и прямое сердце, кто во всех судных случаях соблюдает надлежащую соразмерность. Что ж касается до тяжёбного дела, то сюда не могут также не вкратиться своего рода недостатки. Их должно строго испытывать, нужно ли принимать в уважение некоторые из представленных причин или нет. Как бы то ни было, только при решении дел уголовных всегда надобно одушевляться чувством сострадания к человечеству, не упуская из виду и того, что требуется со стороны справедливости и должного порядка судопроизводства. Для сего нужно, во-первых, наводить верные справки из собрания законов по уголовной части. А во-вторых, просить совета у других в трудных решениях. И когда все признают решение согласным с требованиями правосудия, тогда должно приступить к определению — кого нужно подвергнуть наказанию и кого штрафу. С такою тонкостью вы должны производить следствия в делах уголовных! Таким образом конченное дело найдет достоверность в народе. А если оно представлено будет на высочайшее усмотрение, то не потеряет своей достоверности и пред лицом Государя (#: *В Китае приговоры о наказаниях преступников представляются на усмотрение самого государя, с означением их вин. В сем случае государь иногда изменяет приговоры судей и определяет наказания по своему рассуждению, но не в противность, однако, с главами сих узаконений!*)! При представлении же к государю определения о наказаниях не упустить показать ясно: нет ли в чем осужденных преступников таких, которые в другой раз подвергли себя наказанию, дабы явить им некоторое облегчение».

Казни учреждены в обществе человеческом с благою целию

18. «Ах! — воскликнул В[еликий] князь. — Будьте внимательны, судьи уголовных дел, и вы, князья, принадлежащие к нашему В[елико]княжескому дому, и прочие разные владельцы, в отношении употребления казней. Что касается до меня, то я и говорить даже об этом крайне страшусь, а не только допустить себя быть небрежным в делах, от которых зависит участь человеческая. Напротив того, я оказываю особенное внимание к наказаниям и не иначе определяю наказание для некоторых, как разве для того, чтобы насадить в народе добрую нравственность. <л. 277 об. (534)> Само Небо мерами строгости вспомоществует народу в сем благом деле. А вы как служители и исполнители небесного правосудия на земле вместо самого Неба исправляете должность мстителей за злодеяния, должны тем с большею ясностью и чистотою совести

трудиться в разбирании тяжёбных дел, и особенно тех из них, которые не имеют достаточных доказательств. Благоустройство народа часто зависит от того, когда дело двух тяжущихся между собою лиц судится по правилам справедливости и решается в пользу правой стороны. Посему возьмите осторожность, дабы кто-нибудь из вас не уклонился к пристрастию в суждении спорного дела тяжущихся. Имение, нажитое от подсудимых, не есть сокровище; напро- <л. 278 (535)> тив того, в отищение за обогашение на счет ищущих себе защиты от правосудия, постигают многие и тяжелье бедствия, всегда и всего больше страшитесь небесной казни. Что многих постигают бедствия, это происходит не от того, чтоб Небо было неправосудно, но что человек сам теряет благословение Неба. Если б Небо не употребляло чрезвычайных казней, то народ никогда не мог бы иметь доброго правления во вселенной».

Му-ван, обратив речь к потомкам, советует им взирать на примеры древних знаменитых мужей и подражать им в благоразумном употреблении наказаний

19. «Ах! — со вздохом сказал В[еликий] князь. — Вы, будущие потомки князей и вельмож, долженствующие после нас заступить место правителей народных и блюстителей <л. 278 об. (536)> правосудия, отныне впредь на кого вы должны обращать ваши взоры, как не на мужей знаменитых в древности, которые, быв сами внимательны к добродетели, умели поселить ее и в сердцах народа? Еще повторяю вам: внимательно слушайте слова мои! Древние мужи, каковы Бо-и и Гао-яо, одарённые пронизательным умом, заслужили от потомства никогда не увядаемую славу от того наиболее, что умели благоразумно распорядиться правилами наказаний. То не относилось до пяти разрядов казней — сих крайних мер правосудия, — они во всем сохраняли строгую умеренность; оттого теперь они и прославляются вечными похвалами. Итак, принимая от В[еликих] князей добрый народ в свое управление, не должны ли вы беспрестанно <л. 279 (537)> смотреть на сии столь благотворные для казней действия мужей древних?»

(Сия глава заслуживает того, чтоб на нее обратили должное внимание законоведцы)

Литература / References

- Benoist, M. (tr.) 1755: *Version latine du livre classique Chouking* Tr. par M. Benoist, éd. par A. Gaubil Peking. URL: <https://www.loc.gov/item/ca25000547/>, дата обращения: 21.07.2021.
- Bichurin, N. Ya. 2014: «*Drevnyaya kitayskaya istoriya*» N. Ya. Bichurina: *Transkripsiya i faksimile rukopisi 1822 goda s perevodom "Shu tszina", drevnekitayskiy tekst originala* [Ancient Chinese History by N. Ya. Bichurin: Transcription and Facsimile of the 1822 Manuscript of the Shu Jing Translation, Original Chinese Text. Transcription by V.M. Mayorov, M.A. Smirnova, L.V. Stezhenskaya; Annex by V.M. Mayorov and L.V. Stezhenskaya]. Moscow.
- Бичурин, Н.Я. «*Древняя китайская история*» Н.Я. Бичурина: *Транскрипция и факсимиле рукописи 1822 года с переводом «Шу цзина», древнекитайский текст оригинала*. Пер. Н.Я. Бичурина. Транскр. В.М. Майорова, М.А. Смирновой, Л.В. Стеженской; прилож. В.М. Майорова и Л.В. Стеженской. М.
- Chegodaev, A.B. 2011: *Nauchnaya biografiya sinologa P.I. Kamenskogo* [Scholarly Biography of Sinologist P.I. Kamensky]. PhD thesis. Krasnoyarsk.
- Чегодаев, А.Б. *Научная биография сиолога П.И. Каменского*. Диссертация на соискание степени к. ист. н. Красноярск.
- Couvreur, S. (tr.) 1897: *Chou king: texte chinois, avec une double traduction en français et en latin, des annotations et un vocabulaire*. Paris.
- Couvreur, S. 1950: *Chou king, Les Annales de la Chine*. Paris.
- Datsyshen, V.G. 2013: [Archimandrite Petr (Kamenskiy) and Confucian studies in Russia]. In: *Informatsionnye materialy*. Seriya G. Вып. 19 [Information Materials. Series G. Issue 19]. Moscow, 122–131.
- Дацышен, В.Г. Архимандрит Петр (Каменский) и изучение конфуцианства в России. В сб.: *Информационные материалы*. Серия Г. Вып. 19. М., 122–131.

- Gaubil, A. (tr.) 1770: *Le Chou-King, un des livres sacrés des Chinois, qui renferme les fondements de leur ancienne histoire, les principes de leur gouvernement & de leur morale; ouvrage recueilli par Confucius*. Paris.
- Karlgren, B. (ed.) 1950: The Book of Documents. *The Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities* 22, 1–81.
- Khokhlov, A.N. 2014: [Sinologist D.P. Sivillov and his Russian translations of ancient Chinese classics]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China] 44/1, 484–512.
Хохлов, А.Н. Китаист Д.П. Сивиллов и его русские переводы древнекитайской классики. *Общество и государство в Китае* 44/1, 484–512.
- Legge, J. (tr.) 1865: *The Chinese Classics*. Vol. III. *The Shoo King or the Book of Historical Documents*. Pt. I–II. London.
- Legge, J. (tr.) 1991: The Shoo King or The Book of historical documents. In: *The Chinese Classics*. Vol. III. Taipei
- Ma Zhou 2018: [Manuscript of the 18th century Latin translation of *Shangshu* from Kazan University]. *Guoji "Shang shu" xuehui di si jie nianhui ji guoji "Shang shu" xue di wu jie xueshu yantaohui* [The Fourth Annual Session of the International "Shang shu" Society and the Fifth International "Shang shu" Conference]. Lanzhou, 1–7.
马周。喀山大学《尚书》的18世纪拉丁文译文抄本议论。国际《尚书》学会第四届年会暨国际《尚书》学第五届学术研讨会。兰州。1–7。
- Majorow, W. 2019: Latin translations of Confucian classic *Shangshu*. *International Confucian Forum Copenhagen International Academic Symposium*. Copenhagen, 1–14.
- Mayorov, V.M. (ed.) 2014: *Chtimaya kniga: Drevnekitayskie teksty i perevod «Shang shu» («Shu jing») i «Malogo predisloviya» («Shu xu»)* [Esteemed Book: Ancient Chinese Texts and Translations of "Shang shu" ("Shu jing") and "The Shorter Preface" ("Shu xu")]. Moscow.
Майоров, В.М. (ред.). *Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй»)*. М.
- Mayorov, V.M., Stezhenskaya, L.V. 2015: N. Ya. Bichurin and his "Ancient Chinese History". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Saint Petersburg University Herald. Asian and African Studies]. Series 13. Issue 1, 5–11.
Майоров В.М., Стеженская Л.В. Н.Я. Бичурин и его «Древняя китайская история». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. Серия 13. Выпуск 1, 5–11.
- Medhurst, W.H. (tr.) 1846: *Ancient China. The Shoo King, or the Historical Classic, being the Most Ancient Authentic Record of the Annals of the Chinese Empire*. Illustrated by later commentators. Shanghai.
- Mozharovskiy, A. 1896: [Archimindrite Petr Kamenskiy, head of the tenth Russian Imperial Mission to Peking]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity] 85/3, 585–609
Можаровский, А. Архимандрит Петр Каменский, начальник десятой Российско-Императорской миссии в Пекине. *Русская старина* 85/3, 585–609.
- Nylan, M. 2001: *The Five "Confucian" Classics*. New Haven–London.
- Old, W.G. (tr.) 1904: *The Shu King or the Chinese Historical Classic being an Authentic Record of the Religion, Philosophy, Customs and Government of the Chinese from the Earliest Times*. London–New York.
- Skachkov, P.E. 1977: *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya* [Essays on the History of Russian Sinology]. Moscow.
Скачков, П.Е. *Очерки истории русского Китаеведения*. М.
- Stezhenskaya, L.V. 2017: [Archimandrite Daniil on "Shu jing"]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China] 47/1, 224–231.
Стеженская, Л.В. Архимандрит Даниил о «Шу цзине». *Общество и государство в Китае* 47/1, 224–231.
- Voinov, I.I. (archimandrite Grigoriy) 1893: *Arkhimandrit Daniil, nastoyatel' Rostovskogo Borisoglebskogo monastyrya* [Archimandrite Daniil, Prior of the Borisoglebskiy Monastery of Rostov]. Moscow.
Воинов, И.И. (архимандрит Григорий). *Архимандрит Даниил, настоятель Ростовского Борисоглебского монастыря*. М.